

Swietłana Musijenko
(Grodno, Białoruś)

РОМАН ЗОФИИ НАЛКОВСКОЙ *НЕДОБРАЯ ЛЮБОВЬ* – ГРОДНЕНСКИЕ РЕАЛИИ

Не было более противоречивого периода в жизни Зофии Налковской, чем пятилетнее её пребывание в Гродно (1922–1927). Гродно обогатило творчество писательницы новыми сюжетами, помогло создать необыкновенно пёструю и с разнообразными характерами галерею оригинальных персонажей, наполнило её произведения неяркой, но оставляющей глубокий след в сердцах читателей красотой природы этого края, неповторимостью городских пейзажей, которые свидетельствовали о бурной истории и важной роли города над Неманом в прошлом. Жизнь в Гродно прошла и через сердце самой Налковской. Здесь она познала творческую славу и горечь одиночества, силу любви и коварство измены и эгоизм мужа-полковника полевой жандармерии Яна Юра-Гожеховского, из-за которого она оставила привычный интеллектуальный мир Варшавы и оказалась в глухой провинции – на восточных окраинах Польши. Здесь она поняла и значимость общественной деятельности, и трагедию «другого», «маленького» человека-узника местной тюрьмы, лишённого прав и возможности защитить себя от безжалостной системы и жестокого правосудия. Не случайно с темой Гродно связаны лучшие произведения Налковской: эссе «Гродно», сборник рассказов «Стены мира», романы «Недобрая любовь», «Граница», «Узлы жизни», драма «День его возвращения». О значении Гродно в творчестве Налковской писала Ганна Кирхнер:

...lata grodzieńskie... stały się bezcennym doświadczeniem dla twórcy. Nałkowska nauczyła się Polski współczesnej właśnie tam, na prowincji... Z Grodna wynosi Nałkowska nie tylko dokumentalne tworzywo *Ścian świata* i *Niedobrej miłości*. Bez Grodna nie byłoby również *Granicy*. To stamtąd zaczerpnęła wiedzę o sytuacji komisarycznego prezydenta i wiele realiów i krajobrazów.¹

Гродно для писательницы было совершенно новым миром, который медленно открывал ей свои тайны и свою красоту и входил в её произведения. И хотя сравнительно тихая провинция отличалась от шумной Варшавы, жили эти города по одинаковым законам это подчеркнет и сама Налковская: „...małe nasze miasto żyło pełnym tętnem stolicy”².

Итак, в основу произведений на гродненскую тему легли не только жизненные наблюдения писательницы, но и её собственные переживания и факты биографии, трансформированные в романый материал.

Одним из выразительных примеров в этом плане может служить её роман «Недобрая любовь» (1928) – произведение, созданное по живым следам гродненской жизни, над которым она начала работать сразу же после отъезда в Варшаву. По сути, этот отъезд напоминал скорее бегство от отчаяния и безысходности.

¹ Z. Nałkowska, *Dzienniki 1918–1929*, opr. T. Olszewski, Warszawa 1989, s. 9.

² Z. Nałkowska, *Niedobra miłość*, Warszawa 1979, s. 60.

Gdy w końcu kwietnia tego roku wyjeżdżałam do Warszawy z Grodna, znajdowałam się w stanie ostatecznej życiowej przegranej. Naokoło mnie rozkwitało cudze życie kipiące, a człowiek najbliższy – gdy czepiałam się brzegu tonąc – grubymi butami deptał mi po palcach, abym musiała spaść. Zmora męki i upokorzenia przyszła za mną... Nie chcę już wrócić tam, gdy wszystko zaprzecza moim wartościom, gdzie wszystko popycha mnie ku śmierci. Została tam moja Diana, moje książki i miłe oczom przedmioty, zostało więzienie, które kochałam i które było mi też zawsze bronione, jak ludzie bliscy, jak wszystko, co dobre... Nie chcę tam wrócić. Nie miłość już mnie tam wzywa, tylko upór, gniew i pogroźki.³

Нет сомнения, что собственный семейный конфликт писательница перенесла в роман «Недобрая любовь», поскольку поведение его героя Павла Близбора, его характер, измена жене, эгоцентричность натуры, откровенная грубость – все это имело реальную основу. Эволюция отношений Близбора к своей жене Агнешке очень напоминало семейную ситуацию Налковской и Гожеховского. И все же, суть реального конфликта имела более сложный характер. Истинный конфликт заключается в разнице мировоззрений супругов и проявился он в Гродно. Налковская – писательница распознала натуру своего избранника довольно рано и показала его милитаристскую сущность в целой галерее мужских персонажей, списанных с собственного мужа (Желява → Омский → Близбор → позднее Валевич → Яспис-Высокопольский).

Налковская – жена долгие годы вела внутренний спор сама с собой, борясь за свое женское счастье. Единственным источником откровенности стал дневник. В нём отражены вся сложность и драматизм её семейной жизни.

...jestem na dziwnym rozdrożu...cały rok, który ma być ostatnim – spędzam w takiej dezorganizacji i uczuciowym rozdarciu. Pobyt w Grodnie... przyznał mi zupełną rację. Było to przecież ciągle pomniejszanie mi życia... właśnie przez ucisk moralny ciąglej dezaprobaty w domu. Mimo to czuje się wciąż uczuciowo solidarna i związana z Janem. Ale smutna jest i ciężka ta miłość, pełna żalu, ponura, żadnemu z nas od dawna nie dająca szczęścia.⁴

Душевные переживания писательницы оставили глубокий след в её сердце. Она боялась приехать в Гродно даже через несколько лет, когда её приглашали как члена Правления Союза польских писателей на открытие памятника Элизе Ожешко в октябре 1929 г., и очень гордилась тем, что смогла преодолеть этот психологический барьер.

Jakże dumna jestem z siebie, że się do tego zdołałam wreszcie przymusić, że od kilkunastu chyba lat po raz pierwszy przemówiłam publicznie. I to tam, w tym miejscu, gdzie parę lat przeżyłam nikle i skromnie, w poniewierce i smutku... A przecież bałam się jechać do tego Grodna, gdzie wszyscy go (Gorzechowskiego) znali, gdzie tyle jest wojskowych, różnych jego przyjaciół i – powiedzmy to słowo – przyjaciółek. I właśnie w tej sferze... takie przyjęcie, tyle najleprzych wrażeń⁵.

Эгоизм мужа не только отравлял жизнь писательнице, но и мешал её творчеству. В дневнике есть любопытный психологический анализ причин изменений характера её творчества.

³ Z. Nałkowska, *Dzienniki 1918–1929*, Warszawa, s. 189–190.

⁴ Tamże, s. 229.

⁵ Tamże, s. 431.

W kategoriach natury Jan staje mi się najbliższy. – Poza tym cały mój świat jest mu obmierzły. Moje pisanie lekceważy w najwyższym stopniu... Literatura moja jest dla niego co najwyżej źródłem informacji o mnie, zarówno jak i moja korespondencja. Kiedyś przed laty przeczytał ten dziennik – i sceny straszliwe... zatrwały mi całe lata. – Nie teraz tego nie czytam – uspokoił mię – wiem, że nie piszesz prawdy. – Oświeciły mię te słowa. Ież przemierzam, odkąd zawsze mam na uwadze, że on to może czytać. Nie tylko tutaj. To jest przyczyna mej techniki niedomówień w ostatnich książkach... Jest to duża skomplikowana rzecz, pomniejszająca życie⁶.

Следует отметить, что в творчестве Налковской с самого начала знакомства с Гожеховским, она точно определила и описала его эгоистичный характер, хотя в супружестве он проявился далеко не сразу.

Приведенные выше фрагменты дневника писательницы свидетельствуют не только о драматизме семейной жизни, но и влиянии его на характер творчества. Не случайно тема «недоброй» любви, прошедшая почти через всё творчество Налковской, наиболее полно проявилась в одноименном романе, созданном по следам пребывания в Гродно и после её ухода от мужа. Душевные переживания писательницы не только легли в основу романа, но и наполнили его драматизмом. Героиня произведения Агнешка Валевиц (в замужестве Близбор) имеет несомненное сходство с автором, начиная от сходства портретного и воспроизведения вокруг неё психологической атмосферы, до передачи глубины страданий женщины, которой пришлось испытать грубость, эгоизм и даже измену мужа. Переливы души героини воспроизведены с необыкновенной точностью и силой драматизма. Именно в романе показана разница характеров Агнешки и Павла, приведшая к разрыву их супружества.

Rodzaj jej urody nie dawał spokoju. Budził chęć nazwania za wszelką cenę tego czaru, kazał wciąż szukać formuły na tę niewinną, nigdzie nie powiedzianą siłę piękności... Była wysoka, powiewna. Jednak uroda jej robiła wrażenie wcale nie dzięki swej doskonałości, lecz że była czymś rzadkim i wyszukany⁷.

Психологический портрет был своеобразной копией оригинала – автора произведения. Хочу подтвердить эту мысль высказыванием сослуживца Налковской по «Патронату» Станислава Земака, который отметил, что красота Налковской была необычной и никого не оставляла равнодушным. В романе вокруг Агнешки, как и в реальной жизни вокруг Налковской, люди становились лучше.

...samo znalezienie się w jej pobliżu, że wejście w orbitę jej wpływu – już jest dobrem i korzyścią. Niewątpliwie obecnością swoją Agnieszka odmieniała naturę rzeczy... odmieniała też naturę ludzi⁸.

Близбор не только сникал находясь рядом с женой, хотя и был по-своему красив, элегантно одет, имел автомобиль, однако „Nie miał żadnej... swojej męskiej przyjaźni, żadnej serdecznej znajomości. Nic mu nie było potrzebne. Nic nie chciał... Każdy odczuwał ciężar jego obecności, czuł się winny jego niezadowolenia... niewątpliwie są ludzie, którzy wywierają taki nacisk na otoczenie, z których humorem inni muszą się liczyć”⁹.

⁶ Тамże, s. 265.

⁷ Z. Nałkowska, *Niedobra miłość*, Warszawa 1979, s. 32-33.

⁸ Тамże, s. 34.

⁹ Тамże, s. 37.

Психологическая атмосфера, представленная в романе напоминает продолжение дневниковых записей, воспроизводящих атмосферу жизни в провинции. Правда, Налковская подчеркивает что, „miasto żyło pełnym tętem stolicy”¹⁰

Семейная трагедия Агнешки в романе представлена в ракурсе измены мужа героини. И любовный треугольник Агнешка – Павел – Рената представлен как семейно-бытовая и психологически обоснованная ситуация. Павел был неверным и ревнивым эгоистом. И этой чертой характера своего мужа писательница наделила героя произведения.

Nic z tego, co w niej było nie stanowiło dla Pawła wartości. Ani uroda, ani gusta życiowe, których nie podzielał, ani cały jej własny i daleki duchowy świat, o którym dla niego zapomniała. Jego dzika zazdrość i czułość była jakby bezprzedmiotowa¹¹.

Сфера семейного конфликта Налковской была более сложной и глубокой и выходила за пределы семьи, коснувшись проблем нравственности, политики, социальных убеждений.

Итак, приехавшая из Варшавы супружеская пара, вызывала естественное любопытство жителей провинции. В среде местной элиты Агнешка, как и Налковская, оказалась в центре внимания и была душой общества: организовывала вечера, встречи, гулянья, зимой катанье на коньках и т.д. Она же ввела в дом и свою будущую соперницу Ренату Случаньскую. Налковская «перенесла» в роман и описание своей квартиры, её место расположения, окружавших дом строений, реальные названия улиц.

Państwo Blizborowie zamieszkali w nowiutkiej, niezupełnie nawet wykończonej willi pod samym miastem. Bo inżynier, który dla siebie ją wybudował, musiał ją wynająć w skutek przeniesienia. Wybili tam jakąś niepotrzebną ścianę... wprawili rozsuwane drzwi... zrobili sobie przystojny home... Wiadomo też było, że sprowadzili majolikowe kafle do niewykończonej łazienki, oraz mają własne auto cadillac, ciche i poważne¹².

В действительности хозяином дома был юрист Вальтер, построивший к приезду Гожеховских новый дом на краю города, но около казарм, в которых служил муж писательницы. Дом, правда в аварийном состоянии, сохранился. На нём в 1989 году мы повесили мемориальную доску с надписью: «В этом доме в 1922–1927 гг. жила известная польская писательница Зофья Налковская». Дом расположен почти напротив старого городского парка, который в зимнее время превращался в каток, как в романе «Недобрая любовь».

Налковская проявила себя как мастер городских пейзажей, которые и в эссе «Гродно», и в дневнике, и в романе «Недобрая любовь» сохранили свою историческую достоверность и одновременно с их помощью писательница создала провинциальную психологическую атмосферу.

... pochyła ulica bez drzew... zaczęły się tu murowane, ciasno stojące domy, oblepione szyldami zamkniętych już sklepów i kramów, plugawe kamieniczki śródmieścia¹³.

¹⁰ Tamże, s. 60.

¹¹ Tamże, s. 106-107.

¹² Tamże, s. 29.

¹³ Tamże, s. 26.

В «Недобрый любви» есть другое описание Гродно:

Ale trzeba było pojechać jeszcze daleko dalej, żeby w jednym miejscu poza wzgórzami zobaczyć nagle miasto. Całe w śniegu – wydawało się białe i niebieskie. I tak, że było zbyt małe i niezupełnie wiarygodne, z lekkimi wieżami swoich kościołów, cieniutko nakreslonymi na odsłonecznej, granatowej głębokości nieba.¹⁴

Этот вид на Гродно открывался с возвышенности, расположенной около еврейского кладбища, ныне это центр города на пересечении улиц Виленской и Горького, а на месте старого кладбища построен современный стадион и ледовый дворец. К сожалению, высокие дома частично заслоняют эту удивительную панораму.

Описание природы и городских пейзажей, играя важную роль, не исчерпывают проблемы городских реалий в романе. Провинциальный город на восточных окраинах Польши является страной в миниатюре. Он живет по тем же законам, что и вся Польша. Не случайно сама писательница отмечала значимость опыта гродненской жизни. Принадлежа к кругам военной элиты, Гожеховский встречался с местными генералами и высшими офицерами, на таких встречах присутствовала и Налковская. В дневнике не раз встречались фамилии Сапег (непосредственного начальника мужа), тюремных администраторов, городских администраторов (О'Бриен де Лаци). Все они послужили созданию в романе образа генерала Ниноты. Франек Нинота в разговоре со своим другом – влиятельным политиком Валевицем – отметил:

Jeżeli odnosicie sukcesy na arenie międzynarodowej, jeżeli jesteście rzecznikami pokoju, wy tam, na szerokim świecie, to jednak wiedźcie, że możecie to robić tylko dzięki nam, którzy znów tutaj pilnujemy tej sprawy. Bo my naszym ideom pokojowym nadajemy najlepszą rekojmę, dajemy jej militarną gwarancję¹⁵.

Образ генерала Ниноты представлен в сатирическом ключе. Он довольно естественно играет роль демократа, называет подчиненных ему солдат и офицеров младшими коллегами, проповедует равенство в армии, но на деле верит только в силу милитарную, в мощь армии. Его девиз: убедительность дипломатическим усилиям может придать только армия.

Особую роль в раскладе провинциальной экзистенции играет столичный житель, видный политический деятель Мельхиор Валевиц. Имел ли он прототипа – провинциала? Скорее – нет. Он появляется в романе всего два раза, но выполняет важные сюжетобразующие, идейные и художественные функции, с помощью которых определяется *сонетная* структура произведения: в начале Валевиц привозит в провинциальный городок свою дочь Агнешку, состоявшую в мезальянсе с Павлом Близбором; в конце увозит её после распада семьи. Кроме того, писательница вводит в повествование своеобразную вставную новеллу-жизнеописание, в которой представлена эволюция Валевица, от «rozczochranego Melchiora», до известного политического деятеля, во многом определяющего судьбы Польши. Влияние его настолько значительно, что он по-своему определял судьбы жителей провинции. Естественно, Валевиц – образ собирательный, представляю-

¹⁴ Тамże, s. 45.

¹⁵ Тамże, s. 200.

щий политическую элиту страны. В её среде писательнице приходилось бывать и в Варшаве, и в Вильно, и особенно в Гродно по долгу службы мужа. Кроме того, Валевиц является тем «человеческим материалом», который производила эпоха для обеспечения своего существования. Суть его раскрывается во вставной новелле. Принцип жизни Валевица – «приспосабливаться к обстоятельствам», но так, чтобы из этой приспособляемости можно было бы извлечь личные выгоды: сохранить жизнь и богатство, как это было в период революции 1905 г. Он (Валевиц), иронически комментирует писательница:

...nie brał bezpośredniego udziału w żadnym czynie zmierzającym do odzyskania ojczyzny. Nie rzucał bomb, nie strzelał do ludzi, nawet nigdzie nie przywoził żadnych tajemnych papierów. A jednak uważano go za człowieka do tych rzeczy zbliżonego... W wojnie również osobiście nie brał udziału, samo tak jakoś wypadło. Odcięty od kraju, za granicą, umiał wiele zrobić w tej sprawie, zyskiwał tam wpływy i stosunki, oddawał z daleka znaczne usługi, sam zdobywając zarazem imię i znaczenie. Przy tym i to szczęśliwie się złożyło, że wśród ogólnej katastrofy sam nie ponosił ofiar, nic ze swego majątku nie stracił... A teraz stał się ważną osobistością, **dygnitarzem pasującym do każdej politycznej koniunktury** [Курсив мой: С. М.] – widzianym jak najlepiej tu i tam¹⁶.

Повествование о Валевице выдержано в ключе философского раздумья, но с памфлетным подтекстом. Герой относится к типу людей, пригодных для любой конъюнктуры, «прижимающихся» к любой реальности, поэтому от любых перемен они оказываются в выигрыше.

Итак, Валевиц считался одним из «вождей революции», но предал её, пылко говорил о её значении, но идеалам её изменил. Писательница в обрисовке Валевица обращает внимание на два этапа его биографии: прошлое, когда он «был революционером», и настоящее, когда он стал высокого ранга чиновником, дипломатом, политиком. Валевиц одновременно предстаёт и как социальный тип, и как психологическая индивидуальность. Симптоматично, что писательница в связи с показом политического ренегатства Валевица обращается и к проблеме тюрьмы и заключенных. И снова её пребывание в Гродно и деятельность по опеке заключенных придаёт произведению жизненную убедительность.

Tak, teraz znowu inni, nowi ludzie siedzieli po więzieniach – ponieważ więzienia nie mogą być puste. Inni znów mówili, że nie wolno ludzi więzić za idee... Może więc Walewicz wcale się nie zmienił. Może tylko bezustannie zmieniał się świat i jego miejsce w nim było już inne¹⁷.

Г. Кирхнер жизнеописание Валевица назвала «хроникой социальных преобразований в независимой Польше».¹⁸

Был ли иным Валевиц в личной жизни, прежде всего как отец единственной дочери Агнешки? Видимо, нет. Он и дочь принес в жертву своей политической игре, позерству и лицемерию. Когда в моду вошел либерализм, он позволил дочери выйти замуж за безродного, лишённого связей, небогатого человека, и таким образом доказал свою демократичность. Более того, он позаботился о карьере своего зятя Павла Близбора. А вот когда началась «власть твёрдой руки», он показал, что значит родительская воля, и вернул Агнешку под отцовский кров.

¹⁶ Там же, s. 56-57.

¹⁷ Там же, s. 59-60.

¹⁸ H. Kirchner, *Najściślejsza zależność*, w: *O prozie polskiej XX wieku. Materiały konferencji ogólnopolskiej w Toruniu – listopad 1968*, red. A Hutnikiewicz i H. Zaworska, Wrocław, 1971, s. 86.

Lepiej – говорит он – że nareszcie sytuacja jest jasna. Teraz będę ją miał znowu przy sobie, moją jedynaczkę. I żaręczam, że za drugim razem okaże się już ojcem mniej nowoczesnym¹⁹.

На примере жизни и деятельности Валеви́ча писательница показывает существенные признаки эпохи, которые она фокусирует в характере этого персонажа. И в то же время Налковская подчеркивает мысль о неудовлетворенности интеллигенции теми социальными и политическими изменениями, которые произошли в Польше после переворота 1926 года. Не случайно писательница почти дословно перенесла в роман дневниковую запись от 7 апреля 1919 года: „Myśląc o komunizmie, mniej boję się tego, aby nie zwyciężył, niż tego abym nie miał racji”²⁰.

Правда, в романе «Недобрая любовь» слово «коммунизм» автор заменяет словами «европейские перевороты». И бывший участник революций и мировой войны Случаньский, как и сама Налковская в 1919 г., высказывает беспокойство по поводу победы «новой конъюнктуры».

Nie, ja się nie boję, że oni zwyciężą, ja bardziej boję się tego, żeby oni nie mieli słuszności²¹.

Есть все основания утверждать, что Валеви́ч, представляя собирательный образ политической элиты, имеет определённое сходство с Юзефом Пилсудским. Используя приём «узнавания» персонажей, как принято в классической литературе, автор вводит читателя в круг романских событий. Провинциальное общество всколыхнуло известие о приезде Валеви́ча. Напомню, что во время пребывания Налковской в Гродно сюда несколько раз приезжал Пилсудский и дважды останавливался не, как обычно, у своего одноклассника врача-гинеколога Вернера, а у Гожеховских. Писательница неоднократно присутствовала на приёмах в честь Пилсудского и раньше. Поэтому и в романе, и в дневнике она представляет его и как государственного деятеля, и как человека.

Отдавая должное политической мудрости Пилсудского, Налковская отмечает его человеческие слабости: любовь к почестям и наградам. Она вспоминала о «пышных встречах» Пилсудского в Несвижском замке, затем в королевском замке в Варшаве в 1927 г. По поводу последнего события Налковская иронически замечает, что грудь его была «залеплена орденами»²².

На основе этих наблюдений в романе представлена сцена городского бала и приёма в имении Поры, принадлежавшем графине Осенецкой. Оба торжества были учреждены в честь Валеви́ча.

Najwspanialszym niewątpliwie był raut w województwie, w salach starego pałacu, odrestaurowanego niedawno na miarę europejskiej rezydencji. W tę dawną wielkopańską formę wlało się skwapliwie młode życie nowoczesne i wypełniło ją dokładnie, też przybierając w pewnej mierze jej kształt. Lokaje w czerwonych frakach stali u drzwi, a na liście gości zaproszonych przez urzędnika **demokratycznego** państwa znaleźli się wszyscy miejscowi przedstawiciele **tytułowanych rodów** [Курсив мой: С. М.]²³.

¹⁹ Z. Nałkowska, *Niedobra miłość*, s. 201.

²⁰ Z. Nałkowska, *Dzienniki 1918–1929*, s. 52.

²¹ Z. Nałkowska, *Niedobra miłość*, s. 204.

²² Z. Nałkowska, *Dzienniki 1918–1929*, s. 284.

²³ Z. Nałkowska, *Niedobra miłość*, s. 60.

Была ли согласна Налковская с политическим курсом Пилсудского после переворота в 1926 году? Видимо, нет. Это подтверждается и в дневнике, и в романе, поскольку выразитель идеалов «новой конъюнктуры» Валевиц, имеющий сходство с Пилсудским, показан в сатирическом ключе.

Обращает на себя внимание ещё один факт: в «Недоброй любви» Валевиц приезжает в Гродно дважды и участвует он не только в официальных приемах, но и ведёт «задушевные беседы» со своими бывшими соратниками и друзьями. Тем самым Налковская показывает его как человека в приватной жизни без «политического ареола». В период пребывания Налковской в Гродно сюда приезжал Пилсудский дважды. И оба приезда она описала в дневнике (от 29.07.1924 и от 1.11.1925 г.).

Z podziwem i przyjemnością patrzyłam na tego człowieka... Jest tak obdarzony przez naturę we wszelki urok człowieczy – talent, zapał, żywość i wdzięk.

...doznawałam zupełnego upojenia, doskonałej rokoszy obcowania z potęgą ludzkiej natury... Twardy, żorstki, jaskrawy, paradoksalny, głęboki, sam będący całą swoją prawdą, czysty, jednolity i wszystko od góry do dołu, od zła do dobra, podnoszący do swego poziomu przez siłę. Jak że często nie ma racji, ale nie ma jej w takiej płaszczyźnie, na takim poziomie, który zmienia niejako naturę błędu²⁴.

В дневнике представлен своеобразный психологический портрет сильной личности, которая не только воздействует на окружающих, но по-своему и подавляет их волю. Возможно, Валевиц представлял пример политического деятеля, с одной стороны, слепо выполняющего волю Пилсудского, с другой – он предстаёт как продукт эпохи – обезличенного, но хитрого карьериста, заботившегося лишь о своём авторитете, а главное – о собственной выгоде.

К гродненским реалиям в «Недоброй любви» можно отнести и проблему разрушения дворянских гнёзд. Одним из таких были Поры – имение старой графини Осенецкой. По описанию усадьба напоминает подворье гродненского Нового замка, построенного королём Станиславом – Августом. В 1925 г. Налковская попыталась спасти от уничтожения этот уникальный архитектурный памятник с помощью художественного слова, описав его историю и красоту в эссе «Гродно». Замок оказался в аварийном состоянии, поскольку военная администрация разместила в нем казино, столовую, госпиталь, управленческие структуры и т.д. И хотя Налковская была известной писательницей и женой высокопоставленного офицера, на её протесты никто не обратил внимания. Дворец в Порах в «Недоброй любви» также полуразрушен, ободран, давно не знал ремонта, как и Новый замок в реальности, он представлял зрелище всеобщего запустения. Писательница намеренно создаёт картину контраста: в разрушенные ворота въезжают в богатых авто и экипажах изящно одетые представители городской элиты: они приглашены к старой графине на завтрак в честь Валевица и будто сразу же попадали в иной мир.

...zniszczenie dawało się tu widzieć od razu.

Z pięknych słupów wjazdowych leciał tynk... Nad zamarzniętą rzeczną odnogą figury sfinksów strażujących śpiesznie popatrzyły spod śniegu płaskimi, czarno zapłakanymi twarzami. I tu na cokołach goła cegła wyglądała spod tynku, a w wysmukłej, kamiennej balustradzie mostu brak było kilku pękających słupków.

²⁴ Z. Nałkowska, *Dzienniki 1918–1929*, s. 119, 174–175.

Wysoka renesansowa fasada...znaczona była czerwonymi bliznami obnażonej cegły, z kolumn podjazdu także sypał się gruz²⁵.

Картину разрушения дополнило описание интерьера дома, в котором хозяйка осуществила приём столичного гостя Валевица и сопровождающих его именитых жителей провинции: семейства генерала Ниноты, молодого Осенецкого, князя Русского, Близборов и др. Старая графиня будто гордилась царящим вокруг запустением и сама она казалась одним из экспонатов разрушающегося мира, который её окружал.

Jakieś ściemniałe uszkodzone cudem ocalałe malowidła, jakieś uratowane od zniszczenia tkaniny wisiały tu i ówdzie na ścianach, kryjąc brak zwierciadeł w pustce ram, zasłaniając strzępy obicia... A wszystko ziało przejmującym smutkiem rzeczy trwającej, aby zniszczyć, zaledwie tylko będącej, ale już niepotrzebnej... Wszelki zbytek, wszelka ozdoba jeszcze jakoś trwająca przeznaczona już była na zgubę²⁶.

Показывая картину разрушения имения, Налковская акцентирует внимание на психологическом факторе. В романе есть две портретные характеристики графини: первая – относится к прошлому героини, когда она была молодой, красивой, хрупкой, изящной и занималась благотворительной деятельностью. О прошлом Осенецкой лишь вспоминают знавшие её люди, среди них пан Занемский – знаток жизни провинции и её жителей. Что касается старой Осенецкой, то и повествователь, и персонажи произведения обращают внимание на изменения, которые произошли и во внешнем виде, и в характере графини. Из красавицы она превратилась в исхудавшую, напоминающую привидение старуху, озлобленную и жестокую. Объяснения этих изменений в человеке заключены в причинах социальных. В 1914 году бунтующие крестьяне расстреляли её любимого старшего сына и отняли большую часть имения. На его восставление уходили последние силы старой и больной женщины, но уверенной в том, что нужно не только вернуть богатство, но и сохранить аристократические традиции. Она превратилась в неоправданно скупого и безжалостного человека.

W jej malutkich rękach ludzie zwijali się od pośpiechu i wysiłku, pracowali do siódmego potu. To samo było ze zwierzętami, nawet pługi, maszyny, traktory pracowały jak by do samej granicy wytrzymaania²⁷.

Не менее беспощадным было и отношение к людям – наёмным работникам и крестьянам: „... trzeba chłopą bić... trzeba go trzymać groźbą i strachem – wtedy będzie przywiązany i pokorny”²⁸.

В обрисовке графини можно наблюдать использование сагирических традиций Анаголя Франса, правда, Налковская показала старую аристократию обреченной на гибель. Ганна Кирхнер подчеркнула, что Осенецкая «боролась с носителями новой формации» и потерпела поражение как «социальный индивидуум»²⁹. Перед графиней стояла дилемма: сохранить старые нормы или превратить родовое имение в буржуазное хозяйство. Осенецкая уже пережила два поражения: первое – связано с объек-

²⁵ Z. Nałkowska, *Niedobra miłość*, s. 79-80.

²⁶ Tamże, s. 80-81.

²⁷ Tamże, s. 72.

²⁸ Tamże, s. 73-74.

²⁹ H. Kirchner, dz. cyt., s. 82.

тивными причинами (мировая война и революция), второе – соединяло объективно исторические процессы (разрушение дворянских гнёзд) с субъективными причинами (сопротивление новым порядкам). В данном случае Налковская продолжила традиции И. С. Тургенева («Дворянское гнездо») и Ги де Мопассана («Жизнь»). Графиня, как маркиз де Ламар, сочетает в своей натуре черты «аристократической изысканности» с «мелочностью лавочника», поэтому и не смогла понять социальные перспективы. Желая «задержать время», графиня не хотела отдавать управление имением своей невестке – американке Флер. Социальную эстафету она вырвала из стареющих и уже немощных рук свекрови, начала реформы и изменения в имении, которые обеспечивали «комфортную жизнь» его обитателям. Графине Осенецкой пришлось оставить Поры и нанять квартиру в центре города. Писательница не даёт подробного её описания. Короткие ремарки в романе позволяют предположить, что этот дом расположен на углу улицы Апассеонарий и площади Советской (в 20-е годы площадь Стефана Батория).

Собственно, в романе «Недобрая любовь» описан не столько дом, сколько вид на город из окна квартиры графини.

Z okna pałacu widać było po drugiej stronie rynku rząd małych, starych, brudnych kamienic, od piwnic aż po dach wypełnionych Żydami. Było jasno we wszystkich oknach, świeciło się tam wszędzie owym charakterystycznym, ciepłym światłem świec *szabasowych* w mlecznym, odświetnym wieczorze³⁰.

К сожалению, Советская площадь несколько раз подвергалась перестройкам и реставрациям, поэтому изменилась до неузнаваемости, и вид на неё, описанный в романе, исчез навсегда.

Итак, графиня Осенецкая вынуждена была поселиться в еврейском квартале. И хотя она не любила евреев, живя рядом с ними, поняла беспочвенность своей ненависти. Теперь Осенецкой казалось, что не только она «стояла на страже» аристократических традиций, но и эти люди, будучи гонимыми и притесняемыми, сумели „zachować język, wiarę i tradycję” и доказать, что и на чужой земле „można na przekór wszystkiemu jednak być”.

Что касается родового имени Осенецких, то в нём начала хозяйничать Флер. Её «реформы» превратили Поры в современную буржуазную усадьбу. Как сообщает повествователь:

Istotnie zmieniło się wielu na tym miejscu. Park był poprzecinany, rozległe wazony leżały pod drzewami jak łąki i przypominały dalekie parki miast europejskich. Zniszczone kamienne, czarno zapłakane sfinksy na mostkach miały wklinowane świeże nosy, bramy w murach zrobione były ze sztachet żelaznych. Z daleka – w szerokich łukach drzew – ukazywały się wszędzie widoczne, wesołe, białe, całe odnowione ściany pałacu³¹.

Сама хозяйка – молодая американка – на фоне своих преобразований „Wyglądała jak kolonizator, który przyjechał do dzikiego kraju i wszędzie znajduje teren dla swej działalności”³².

Флер не любила восстаний, считала, что правительство существует для охраны собственности, и умела, в отличие от свекрови, договориться и с польски-

³⁰ Z. Nałkowska, *Niedobra miłość*, s. 206.

³¹ Там же, s. 175.

³² Там же, s. 90.

ми, и с белорусскими крестьянами, но не допускала их непослушания. Действия Флер напоминали действия буржуазного дельца Лопихина из драмы А.Чехова «Вишнёвый сад». Как и Лопихин, Флер начисто лишена романтически возвышенного отношения к жизни, признавала только деньги и практическую выгоду в своей деятельности. Лопихин вырубает вишневый сад, чтобы отдавать в аренду дачные участки земли, и заколачивает окна и двери барской усадьбы, где когда-то его отец был крепостным. Флер приехала из «свободной страны» США и по сути выгнала из дома старую хозяйку и полностью всё перестроила. Более того, она усомнилась в святости и справедливости, а главное, в целесообразности аристократических традиций и жертв, принесённых для их сохранения.

Дискутируя со старой графиней, которая вспоминала о своих утраченных землях и богатствах в связи с войной и революцией, об убийстве любимого сына белорусскими крестьянами, Флер сказала жестокую правду: „Chłopi, którzy zamordowali Walerego, także chcieli jakiejś niepodległości, także walczyli o ziemię. Tylko że u nich to się już uważa za zezwierżeczenie. Czy wy nie widzicie, że te rzeczy są jednak w czymś podobne”³³.

Суровая, а может быть, жестокая правда слов Флер, была своеобразным социальным и психологическим приговором не только старой графине, но и всему классу аристократии и дворянства. Молодые люди – представители новой буржуазии – завоевывали не только административные позиции (Юстин Случаньский, Мария Сеславская, Павел Близбор), но и занимали жизненное пространство аристократии. Старая графиня должна была уйти из *собственного* дома и принять изменения в нем, которые вводила Флер против воли свекрови. Таким образом, «социальный пост» графини был разрушен её невесткой. Это послужило причиной утраты веры старой Осенецкой в собственную прежде всего социальную целесообразность.

На основании сказанного можно сделать следующие выводы:

– пятилетнее пребывание (1922–1927) Зофии Налковской в Гродно оставило неизгладимый след в её жизни и творчестве. Лучшие произведения писательницы и её дневники (с 1922 г. до последних дней жизни – декабрь 1954) связаны с Гродно;

– особое место в творческой биографии Налковской занимает роман «Недобрая любовь», действие которого полностью происходит в Гродно, но по проблемно-тематической значимости он является «Польшей в миниатюре»;

– гродненские реалии, изображенные в «Недобрый любви», писательница трансформирует в события, типичные для жизни, быта, социальных изменений, происходивших в Польше после переворота 1926 года;

– в статье анализируются наиболее важные аспекты Гродно как фактора творчества: психологический (семья Близборов), военно-административный (министр Валевиц, генерал Нинота), социальный (графиня Осенецкая), конфликт поколений и разрушение аристократических гнёзд (старая графиня – Флер);

– анализируются функции природы и городских пейзажей и творческий процесс Налковской, связанный с трансформацией реалий провинциальной действительности в романский материал, представляющий показ типичных сторон жизни Польши после 1926 года.

³³ Тамże, s. 179.